

Лингвопоэтика и проблемы перевода

О.Ю. Неволлина
г. Вологда

ВОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО «ПОЭТИЧЕСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ» И. СЕВЕРЯНИНА

В очерке «По лесам и озерам» И. Северянин писал: «Нельзя не любить леса, озер, рек – природы Божией. Природы и искусства. Во всех проявлениях. Да и что же любить остается здесь, на земле? Привыкшему к природе трудно жить в городе, может быть, и нельзя уже жить. Безлюдье обворожительно, в наши дни – в особенности. Природа прекрасна» [4, с. 487]. Примечательно название очерка: леса, озера, реки, воздушные пространства станут основными природными образами поэтической вселенной Игоря Северянина.

В природе он больше всего любил лес и воду. Особенно воду. Роса, ручьи, озера, реки, фиорды, моря являлись для него источником поэтического вдохновения. Вода запечатлена в названиях его поэтических сборников (брошюр): «Ручьи в лилиях», «Форелевые реки». В поэме «Роса оранжевого часа» поэт, вспоминая о домашних вечерах, на которые приглашались знакомые адмиралы, рассказывавшие о своих путешествиях, видит в них одну из причин своего равнодушия к воде: «Моя фантазия гостила / С тех пор нередко на морях, / И, может быть, они – предтеча / Моей любви к воде» [3, т. 3, с. 150].

Среди трех функционально-семантических полей поэтического творчества И. Северянина – «земного», «воздушного» и «водного» – последнее особенно частотно и художественно выразительно в границах поэтической вселенной И. Северянина. Термин «поэтиче-

ская вселенная» впервые обосновывается в монографии Е. Менегальдо «Поэтическая Вселенная Бориса Поплавского» [2]. В основе его лежит подход к художественному тексту, предложенный в трудах Гастона Башляра, во многом опиравшегося на традиции психоанализа. Наиболее близкими по семантике определениями, разработанными в трудах Ю. Лотмана, Б. Томашевского, В. Топорова, являются понятия «модель мира», «картина мира».

Водное пространство исключительно значимо в формировании хронотопа образов Русского Севера и Миррэлии, хотя можно говорить и о тенденции к объединению поэтом различных типов пространств в рамках одного текста и созданию единого хронотопа «поэтической вселенной» как целостной концепции видения модели мира, органично включающей все три стихии. Водное, земное и воздушное пространство взаимопроницаемы и тесно переплетаются друг с другом, что и приводит к суггестии художественного образа, где все три стихии взаимодополняют друг друга.

Среди образов, представляющих водную стихию, мы выделяем такие микрополя, как родник, озеро, река, море, роса, слеза, снег, лед. Для водного пространства характерна высокая степень конкретизации, автобиографичность, значимость личного опыта поэта, большой объем текстов, содержащих данный тип пространства, разнообразие микрополей, входящих в данный тип, а также сакральный статус и идеализация в «поэтической вселенной».

«Речными» можно назвать такие стихотворения И. Северянина: «В северном лесу», «Элегия», «Стансы», «Река поет», «Стихи о реках», «Таймень», «В часы росы», «Моя удочка», «Вода примиряющая», «Сияет даль», «Поэза детства моего отрочества». Хрустально-прозрачный идеальный образ реки стал символом жизни поэта: именно с реками связано детство поэта, первая любовь, годы учебы, дом, Родина. Река Северянина «животворящая», т.е. ставшая истоком его поэтического вдохновения. Заметим, что водное пространство часто конкретизируется: среди географических наименований – большая часть – гидронимы: Суда, Андога, Кумба, Нелаза, Шулома, Колпь, Шексна, Ягорба. Все это Русский Север: «И в час закатный, и в час рубинный / Ты тихой Андоги вода!» [3, т. 3, с. 162]; От мглы людского пересуда / Приди, со мной повечеряй / В таежный край, где льется Суда» [3, т. 3, с. 163].

Конечно, среди всего прочего множество рек и озер на Русском Севере продиктовало выбор места для жилого строительства и оп-

ределило тип заселения – приречный или приозерный. Беспредельное царство воды определяет специфический пейзаж Русского Севера. Руслу многих рек, петляя по заболоченной равнине, имеют низкие, пологие берега, которые заливаются паводковыми водами: «Ты видел ли реки разливы, / Когда мореют, водянеют / Все нивы, пажити, луга / И воды льдяно пламенеют, / Свои теряя берега?» [3, т. 4, с. 164]. «Форелевая» река в «северной губернии» [3, т. 1, с. 59] – своеобразная эмблема творчества поэта и символ связи с родным Севером и Россией. «Вечно бегущая вдаль река стала в его образном мире нитью, соединяющей его со страной детства – «колыбельной» Владимировкой. Слияние рек, бегущих по разным странам и не признающих государственных границ, выступает символом воссоединения с милой и утраченной землей», – пишет один из исследователей творчества И. Северянина Ю.В. Бабичева [1, с. 402].

Если ранние стихотворения поэта чаще представляют пейзажные зарисовки, построенные на параллелизме природных явлений и человеческого существования, философском осмыслении скоротечности человеческой жизни, мотиве поиска жизненного пути, мотиве столкновения двух противоположных точек зрения на мир (городского жителя и живущего внутри природы), то в стихотворениях эмигрантского периода перед нами – осмысление прошлых событий в контексте нового духовного опыта, образ-воспоминание.

Водная стихия у И. Северянина предстает, как правило, в женском начале: текущая, стихийная, первозданная, способная породить жизнь. В репрезентации водного пространства на первый план в поэзии И. Северянина выходят мифопоэтические и философские составляющие значения образов, актуализирующие семантический компонент воды как живого существа, животворящего начала, стихии, границы между мирами, зеркала, бездны, мощи и воли, музыки, женского начала, взаимодействующих друг с другом.

Вода наделяется в поэзии И. Северянина сакральным статусом, выполняя оберегающую и омолаживающую функции. Так, «стальная» поверхность воды защищает лирического героя от потустороннего мира, который фигурирует в текстах в образе подводной русалки-сирены: «Там, под *поверхностью этой стальной* / Мнутся мне пальцы прекрасной руки. / Пальцы зовут меня нежным изгибом» [3, т. 2, с. 82]. Водные объекты часто выступают как граница верхнего и нижнего миров, разделяют потусторонний мир и мир

живых. Особенно это проявляется в образе моря: подчеркивается его способность скрывать, поэтому оно и изображается не по горизонтали, а в вертикальном разрезе (высокая волна, атрибуты дна, глубины и т.д.).

«Мечты мои всегда у моря – Того, откуда я бежал», – пишет поэт в ранних стихах. Северянину довелось вернуться, жить и умереть на море, увидеть Балтику с обоих берегов: русского и эстонского, отчего, может быть, он стал самым «балтийским» из русских поэтов [5, с. 401]. Географическое положение Балтийского моря превращает его в символ соединения Эстонии, где находился поэт, с вынужденно покинутой Россией: «Шумит Балтийская волна, / Как символ вечно-непокорного, / В лиловый север влюблена. / Но море штормно, и гигантские / Оякорены в нем суда» [3, т. 1, с. 319].

В поэтической вселенной И. Северянина море обособлено от воды в целом, что традиционно для славянской мифологии, где в отличие от рек и озер, являвших обычный путь древних людей, оно мыслилось «мором», массовой гибелью моряков. Образ моря, предполагающий живописные пейзажные зарисовки, у И. Северянина, как правило, предстает семантически-замкнутым, связанным с трагическими мыслями о смерти, об удаленности от родины. Особенно явно подобная семантика проступает в произведениях эмигрантского периода творчества, где море становится символом бескрайне-необъятного, непреодолимого расстояния, разделяющего лирического героя с отечеством и рождающего печаль и волнение. Впрочем, и в ранних произведениях Северянина есть этот мотив: «О, море нежное моё, Балтийское, / Ты – миловиднее всех-всех морей! / Вот я опять к тебе, вот снова близко я, / Тобой отвоеванный, для всех ничей...» (Балтика, 1915). Бесприютности, бездомности в мире противостоит близость, родство с морской стихией.

Вода – составной элемент других образных компонентов: весеннего половодья, росы, льда, снега. Весеннее половодье – образ неоднозначный в поэтической вселенной И. Северянина. С одной стороны, он олицетворяет собой разрушительную силу и мощь природной стихии, покоряющей всё живое: «Лед на реке, себя вздымая, / Треща, дрожа и трепеща, / Лишь ждет сигнального праща: / Идти к морям... <...> Мгновенье: тщетные труды! Вода настигнет все, и смоем <...> Пред нею пасть придется ниц...» [3, т. 3, с. 164]. С другой стороны, половодье ассоциируется с наплывом чувств, любовью, обновлением: «В весеннем солнце растопля... /

«Согреет всех мое бессмертье...»: Личность и творчество Игоря Северянина

И вот пошла река, гуляя / Своей разливною гульбой! / Ты потрясен, Господь с тобой? / Ты не находишь от восторга / Слов, в междометья счастья влив? Ты видел ли реки разлив, / Когда мореют, водянеют / Все нивы ...» [3, т. 3, с. 164]. Северное половодье в своей безбрежности и непокорности уподобляется морю в поэтической вселенной И. Северянина.

Достаточно частотен у поэта образ снега как одного из состояний воды. Традиционная символика умирания, смерти, снега как савана, покрывающего землю, здесь срабатывает крайне редко. Напротив – снег у Северянина выступает как знак первоначальной чистоты: «Повсюду снег; но снег тот не печальный: / Лазурно-бел и бархатно-пушист; / Он вид всегда хранит первоначальный / И до сих пор, как в день создания, чист» [3, т. 1, с. 516].

Одним из ключевых образов водной стихии у Северянина становится родник как сакральная граница между временем и пространством, как источник жизни, духовный канал. Родник – один из значимых образов, связывающих небесное и земное. Родник отправляет лирического героя к детству, источнику творчества и поэзии, формирует автобиографическое пространство: «Восемь лет эту местность я знаю. / Уходил, приходил, – но всегда / В этой местности бьет ледяная / Неисчерпываемая вода. <...> И светло мне глаза оросили / Слезы гордого счастья, и я / Восклицаю: ты – символ России, / Изнедривающаяся струя!» [3, т. 1, с. 367]. Родник является вечной константой, истоком, корнем жизни, эта непрерывность, неизменность существования подчеркивается эпитетами: «неисчерпаемый», «полноструйный», «родной». Родник реализуется не только как визуальный образ, но и как признак. «Родниковыми» являются вода и край, метонимически указывающие на Русский Север, на духовный источник творчества (полотно стиха сравнивается с «кристальных струй узором»).

Водное пространство часто описывается как изменяющее реальность, уводящее в сферу духовности, неба. Не случайно символика цвета водного и небесного пространства совпадает: лазурный и все оттенки синего цвета, цвета драгоценных камней и минералов, чистые тона, наполненность обоих типов пространств солнечным и священным светом. В противовес земному пространству города вода никогда не предстает перед читателем грязной: «Так как же мне от горя и позора, / К ненужью вынуждающей нужды / Не уходить

на отдых на озера./ К смиренью примиряющей воды?..» [3, т. 4, с. 75].

Итак, многочисленность образов, имеющих водную семантику, и частотность повторения в текстах позволяет выделить их в качестве доминирующего типа пространства, что определяет его высокую художественную и смысловую значимость в творчестве И. Северянина.

Литература

1. *Бабичева Ю.В.* Игорь Северянин // Выдающиеся вологжане. Биографические очерки. Вологда, 2005.
2. *Менегальдо Е.* Поэтическая Вселенная Бориса Поплавского. СПб., 2007.
3. *Северянин Игорь.* Сочинения: В 5 т. / Сост., подг. текста, вступит ст. и коммент. В.А. Кошелева, В.А. Сапогова. СПб., 1996.
4. *Северянин И.* Уснувшие весны // Северянин И. Гост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1999.
5. *Терехина В., Шубникова-Гусева Н.* Игорь Северянин // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты поэтов: В 2 т. Т. 2. М., 2008.